

Леонид Люкс

Итальянский фашизм и национал-социализм: Краткая заметка
о параллелях и различиях (По поводу интервью проф. В. И.
Михайленко в *Известиях УРФУ* «Итальянский фашизм
90 лет спустя: актуальность исторического феномена»)

В моей краткой заметке, посвященной чрезвычайно информативному интервью профессора Михайленко, я хотел бы сосредоточить свое внимание лишь на одном вопросе: на сравнении между фашистским режимом в Италии и нацистской диктатурой. Я полностью согласен с Валерием Ивановичем и с Р. Де Феличе, на которого проф. Михайленко часто ссылается, что фашистская диктатура в Италии существенно отличалась от нацистского режима¹.

В отличие от национал-социализма, у итальянского фашизма не было монокаузальной модели объяснения мира, лежавшей в основе апокалиптических преступлений нацистского режима. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не инициировал мировую революцию, писал американский политолог Зигмунд Нейман².

Радикальные словесные тирады Муссолини в действительности воплощены не были. Ему не был свойственен и беспощадный фанатизм Гитлера, по крайней мере, до начала 30-х годов. В итальянском фашизме не было ни Освенцима, ни Трешлинка. Но, несмотря на все эти различия, существовали все же и параллели между двумя правозэкстремистскими режимами. Несмотря на свою тягу к прагматизму, итальянский фашизм никогда не терял своего изначального революционного характера. Хотя он и не смог в такой степени индоктринировать и изменить подвластное ему общество как национал-социализм, он никогда не терял эту цель из виду. Хотя Муссолини и пытался на время усмирить радикально-террористическое крыло своего движения во главе с Роберто Фариначчи, чтобы не подвергать опасности свой союз с консервативными элитами, но радикалы никогда не были лишены власти окончательно. Муссолини они были нужны как противовес, чтобы не попасть в полную зависимость от своих консервативных союзников. Итальянский фашизм сохранял до конца свою изначальную ради-

¹ Хотя итальянские фашисты и определяли свое государство как «тоталитарное», в случае фашизма в Италии речь шла, по мнению многих авторов, о «неполном тоталитаризме». См. Aquarone A. *L'organizzazione dello stato totalitario*. Torino, 1965; Payne S. *Geschichte des Faschismus. Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung*. Berlin, München, 2001. P. 156, 161-164.

² Neumann S. *Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War*. N.Y., 1965. P. 111.

кальность, которую воплощала прежде всего фашистская милиция (MVSN). Немецкий историк Вольфганг Шидер пишет по этому поводу:

«Для радикальных партийных лидеров как Акилле Стараче, Роберто Фариначи, да и для самого Муссолини фашистская милиция еще в 30-х годах была основной политической надеждой режима. [...] Несмотря на то, что фашистскому режиму [...] не удалось сформировать из милиции элитное военное формирование наподобие Ваффен-СС, важен по меньшей мере сам факт такой попытки».³

Итальянский фашизм отличал от классических бюрократически-авторитарных режимов и тот факт, что он никогда не отказывался от создания «нового человека» и нового, никогда доселе не существовавшего общества. Как пишет итальянский историк Эмилио Джентиле:

«Фашисты считали себя – как и футуристы – "конструкторами будущего". Фашистский миф о "перманентной революции" был к тому же модернистским, так как он заставлял фашизм не почивать на своих успехах и стабилизировать свою позицию власти через осторожную политику сохранения, а заставлял его посредством импульса своей изначальной сущности чувствовать себя обязанным, даже вынужденным конструировать себя как новую реальность будущего и наложить грядущим цивилизациям свой отпечаток»⁴.

Кроме того, фашизм и нацизм объединяло прославление насилия и войны, и эта «тяга к войне» являлась как бы центральной движущей силой обоих режимов. Поскольку фашисты и нацисты, иначе чем большевики, пришли к власти не через устранение правящих до этого элит, а через компромисс с ними, их «захвату власти» недоставало того революционного характера, который отличал путь большевиков к власти, особенно с осени 1917 года.

Как фашисты, так и нацисты пытались завуалировать этот факт, так как он не подходил к их убеждению, что они открыли новую эпоху в истории. Поэтому в обоих случаях передачу власти они стилизовали под «захват власти», даже под революцию. Однако из-за союза с консервативными элитами путь к глубоким социальным преобразованиям в обеих странах оказался закрыт. Поэтому территориальная экспансия представляла собой важнейший вентиль для разрядки накопившегося напряжения.

Уже в 20-х годах многие наблюдатели предсказывали, что фашизм неминуемо свергнет Европу в войну. Например, Филиппо Турати, один из лидеров Partito Socialista Italiano, заявил в 1928 году, что фашизм родился из войны и должен был неизбежно породить войну⁵.

Общая для режимов Муссолини и Гитлера «тяга к войне» привела к тому, что, несмотря на первоначальные конфликты, они становились друг другу все ближе.

³ Schieder W. *Kriegsorientierung im faschistischen Italien // Faschistische Diktaturen. Studien zu Italien und Deutschland.* Göttingen, 2008. P. 99-110, зд. p. 103.

⁴ Gentile E. *The Origins of Fascist Ideology 1918-1925.* N.Y., 2005. P. 399.

⁵ Turati F. *Faschismus, Sozialismus und Demokratie // Theorien über den Faschismus / Ed. Ernst Nolte.* Köln, 1967. P. 143 и сл., 150.

Так, Муссолини заявил 4-го февраля 1939 года в своей речи перед Большим фашистским советом: «Политика оси Рим-Берлин отвечает [...] исторической необходимости первостепенного значения»⁶. Вольфганг Шидер пишет:

«Идеологическое возвышение совместных с Гитлером политических действий возникло не из простой риторики. Оно с самого начала скорее показало, что привязанность к родственному по духу германскому диктатору была для Муссолини чем-то большим, чем просто тактический расчет»⁷.

⁶ Цит. по: Schieder. *Kriegsorientierung im faschistischen Italien*. P. 106.

⁷ Ibid.